

SIBIRIEN

I VORE DAGE

KULTURHISTORISKE OPTEGNELSER OG OPLEVELSER
UNDER ET CA. SEKSAARJGT OPHOLD OG REJSER I NORDLIGE
OG SYDLIGE EGNE AF VESTSIBIRIEN SAMT
VED DET KARIKKE HAV

AF

SIGURD O. PATURSSON

KØBENHAVN
ALEXANDER BRANDTS FORLAG

J. COHENS BOGTRYKKERIER
— GEORG A. BACH —

1901

Сигерт О. Патурссон

От Фарер до Сибири

Культурно-исторические зарисовки
и описания событий, произошедших
во время шестилетнего путешествия
по северной и южной части Западной Сибири,
а также в районе Карского моря

Paulsen

2019

УДК 910.4
ББК 26.89
П20

Перевод с датского: *А. Мельников*
Иллюстрации: *С. Патурссон*

Перевод с датского осуществлен при финансовой поддержке
Культурного фонда Фарерских островов
This translation has been published with financial support
of Mentanargrunnur landsins

Патурссон, Сигерт.
П20 От Фарер до Сибири / С. Патурссон. — Москва: Паулсен, 2019. —
304 с., илл. — 16.

ISBN 978-5-98797-236-6

Сигерт Патурссон, уроженец Фарерских островов, описывает свое путешествие по Сибири, предпринятое им в 1889–1895 гг. Автор приводит данные по географии, этнографии, культуре, экономике Сибири конца XIX в., описывает нравы и обычаи ее коренных народов, с натуралистическими подробностями рассказывает о своем участии в ритуалах жертвоприношения и шаманизма. Впервые книга вышла в свет в 1901 г. в Копенгагене на датском языке, переиздана в 1994 г. на фарерском.

Настоящее издание продолжает серию книг «Впервые на русском», выходящих в издательстве «Паулсен».

УДК 910.4
ББК 26.89
16+

На 4-й обложке. Портрет Сигерта Патурссона с глобусом и фарерским флагом.
Фото Густава Боргена. Digital Museum of Norway

ISBN 978-5-98797-236-6

© Перевод, оформление. Паулсен, 2019

Содержание

<i>Предисловие переводчика</i>	7
Глава I. Из Фарер в Россию	15
Глава II. О неизведанной Сибири	20
Глава III. В Западной Сибири	27
Глава IV. Плавание по Туре, Тоболу и Иртышу	32
Глава V. На реке Обь	38
Глава VI. В Обской губе	44
Глава VII. В Тазовской губе	56
Глава VIII. Длительное пребывание на необитаемом острове в Тазовской губе	64
Глава IX. Из Находки в Нейве-сале	70
Глава X. Маленькая рыбацкая хижина в Северной Сибири	76
Глава XI. Опасное путешествие	82
Глава XII. Кочевая жизнь с идолопоклонниками в отдаленных местах	89
Глава XIII. Небольшие поездки	100
Глава XIV. Ловля рыбы в Северной Сибири	106
Глава XV. Особенности жизни на севере	109
Глава XVI. Шаманизм	122
Глава XVII. 2000 верст в саних по заснеженной тундре	127
Глава XVIII. Пребывание в городе Сургут и деревне Тундрена	135
Глава XIX. Из деревни Тундрена в Тюмень	142
Глава XX. Длительное пребывание в Тюмени и окрестностях	147
Глава XXI. Разрозненные сообщения о двухлетнем проживании в Томске и окрестностях	172
Глава XXII. Охота на медведя	200
Глава XXIII. Крестьянская свадьба в Сибири	207
Глава XXIV. Из Томска в Барнаул и Бийск	211
Глава XXV. Из Томска в Иркутск	222
Глава XXVI. Этнографические заметки	237
Глава XXVII. Из Сибири через Северный Ледовитый океан и Карское море в Европу	250
Глава XXVIII. Положение ссыльных в Сибири	280
Глава XXIX. Флора и фауна Сибири	287
Глава XXX. Морское сообщение между Сибирью и Европой	294
Глава XXXI. Как русские завладели Сибирью	298

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА¹

Автор книги «От Фарер до Сибири» Сигерт Олуф Патурссон родился в 1869 году на Фарерских островах в поселке Чирчубёвур (*Kirkjubøur*). Родина Патурссона – небольшой архипелаг из восемнадцати живописных островов, затерянных в самом сердце Северной Атлантики в треугольнике между Исландией, Норвегией и Шотландией.

Жители архипелага – фарерцы – являются потомками викингов из Западной Норвегии, начавших заселять острова в IX веке н. э. Фарерские острова до прихода викингов были практически безлюдными, не считая редких поселений ирландских монахов-отшельников. С XI века Фарерами владели норвежские короли, а с 1380 года после заключения Кальмарской унии острова вместе с Норвегией отошли к Дании. Фареры долгое время были датской колонией, но в 1948 году им была предоставлена широкая автономия в составе Королевства Дании, разрешено иметь собственное правительство, парламент, законы, бюджет. В отличие от Дании Фарерские острова не входят в Евросоюз и Шенгенскую зону. Местные СМИ вещают на фарерском языке (прямо потомке языка викингов), на нем же ведется обучение в школах. Однако Фареры не самостоятельны во внешней политике, обороне и сфере юстиции и получают от датской метрополии ежегодную субсидию в размере 3–4 % местного валового внутреннего продукта².

Изолированность Фарерских островов, бедность природы и непростые климатические условия делают их далеко не самым пригодным для проживания местом. Благодаря морскому климату зимы там мягкие, однако нередки ураганы, а прохладным летом обычны дожди и туманы. Из-за обилия осадков, сильных ветров и отсутствия большую часть года солнца

¹ В Предисловии использованы материалы статьи Тури Сигурардоттир «Siberia 140 years ago – seen through Faroese eyes» // Северные грани: Международный альманах. Выпуск № 8. М.: МАКС Пресс, 2019. – *Здесь и далее все сноски без указания авторства принадлежат переводчику.*

² Здесь читателю должна стать понятной ошибочность распространенного мнения, согласно которому Фарерские острова – это область Дании. Ни фарерцы, ни датчане этот архипелаг Данией никогда не назовут. Вместо этого корректнее говорить о том, что Фареры вместе с Данией и Гренландией составляют так называемое *Объединенное королевство* (дат. *rigsfællesskab*), в рамках которого все три его участника сохраняют свою идентичность.

сельскохозяйственные культуры на островах почти не выращиваются; гораздо шире распространено животноводство – разведение овец (по одной из версий, «фарерские» означает «овечьи»). Но основное и практически единственное богатство местного населения – морские ресурсы; все фарерцы (по крайней мере, мужчины) – прирожденные рыболовы и мореплаватели.

В таких почти спартанских условиях и появился на свет Сигерт Патурссон. Впрочем, он происходил из влиятельной, по местным меркам, семьи, которая владела самой большой фермой на островах. Его прадедом был Поул Поульсен Нольсё, прославившийся под именем Нёльсойар-Подл (*Nólsoyar-Páll*), – видный литератор, предприниматель и, конечно же, рыболов. Родная деревня Патурссона в Средние века считалась столицей Фарер, о чем напоминает расположенное там недостроенное здание собора Св. Магнуса (хотя столичный статус уже давно перешел к находящемуся в нескольких километрах от Чирчубёвура городу Торсхавну). Благодаря всем этим обстоятельствам, а также полученному в семье воспитанию практически все дети четы Патурссонов, включая Сигерта, стали известными людьми. Больше всего прославился старший брат Йоуаннес, писатель и поэт, лидер национального движения за независимость Фарер, создатель и поныне существующих Партии самоуправления (*Sjálvstýrisflokkurin*) и Народной партии (*Fólkaflokkurin*). Сестра Хелене активно боролась за права женщин, стала первой женщиной-писателем и публицистом, писавшим на фарерском. Еще один брат – Сверре – видный писатель, поэт, журналист, а самый младший из братьев – Гасет – был первым ученым-ботаником и создателем агрономической науки на Фарерах.

Сигерт Патурссон сначала обучался на дому, потом начал посещать школу в Торсхавне. Отец с семилетнего возраста учил его гимнастике и стрельбе, а также манерам высшего общества, включая столовый этикет и балетные танцы. Эти познания позже очень пригодилось Патурссону при светском общении в крупных сибирских городах, где ему удалось снискать популярность (гл. XVIII – описание устроенного сургутской знатью роскошного приема в честь Патурссона как «земляка императрицы», то есть датчанки Марии Федоровны, жены Александра III). Помимо родного фарерского Патурссон также мог изъясняться на английском (разговор с ссыльным поляком, гл. XXV), немецком (с молодыми дамами в Тобольске, гл. IV) и французском (с сербкой-гадалкой, гл. XX), а благодаря датскому, которым владели и владеют все образованные фарерцы, он мог также понимать шведский (гл. I) и норвежский (возможно, это был родной язык капитана судна «Маргарита» Миккельсена). И, разумеется, юный Сигерт умел то, что умели все

фарерские мужчины вне зависимости от своего социального статуса, – пасти овец, ловить рыбу, охотиться, плавать на лодке по бурным волнам Северной Атлантики.

Таким образом, Патурссон физически, психологически и практически был прекрасно подготовлен для того, чтобы путешествовать по просторам Крайнего Севера.

И случай не заставил себя ждать. Между 1887 и 1889 годами Патурссон познакомился с работавшим в Торсхавне шведским инженером, у которого он увидел книгу о Сибири. Прочитав ее, юный романтик «заболел» этим краем, прямо называя его в своей книге «землей будущего».

В итоге Патурссон отправился в путешествие в Сибирь, которое иначе как крайне рискованным назвать нельзя. Несколько раз лишь чудо спасало его от верной гибели. Однако его юношеский энтузиазм, дух авантюризма, а также фарерская закалка, сноровка и упорство всегда помогали ему брать верх над попадавшимися на его пути бесчисленными трудностями и препятствиями.

Благодаря Патурссону мы обладаем ценнейшими описаниями быта как коренных народов Сибири (ненцев, хантов, эвенков и др.), так и проживающих там русских. Специалистам могут быть интересны детальные описания рельефа, климата, флоры и фауны районов Сибири, где побывал наш автор.

Патурссон, судя по всему, был первым фарерцем, выучившим русский язык. И уж точно единственным уроженцем Фарер и одним из немногих иностранцев, освоивших ненецкий язык и, вероятно, в какой-то степени – наречия соседних самодийских народов, а также хантов.

Возможно, читателю не всегда понравится юношеский максимализм Патурссона, проявлявшийся, в частности, в его отношении к обычаям местных жителей. Воспитанный в духе позитивизма науки XIX века, фаререц без особого уважения относился к языческим верованиям сибирских аборигенов, порой открыто выражая свою неприязнь к ним и доводя дело до конфликтных ситуаций. Тем не менее, когда нашему герою представилась возможность присутствовать на церемонии жертвоприношения язычников, исследователь в нем моментально победил моралиста и он, невзирая на 65-градусный мороз, отправился наблюдать за этим обрядом и даже участвовать в нем (гл. XV).

Далеко не все, о чем Сигерт Патурссон пишет в своей книге, мы можем принять на веру. Ошибочны его утверждения о том, что в амурском регионе водятся львы, а в степях Южной Сибири и нынешнего Казахстана – яки, которые на самом деле обитают лишь в высокогорных регионах (гл. XXIX). Сибирских комаров и мошек Патурссон на протяжении всей книги называет

ядовитыми, что сильно преувеличено. В последней главе автор излагает фантастическую версию происхождения Ермака и завоевания им Сибири, основанную, как можно предположить, на народных легендах или «популярной истории». Не будучи хорошо знакомым с географией Украины, автор называет Запорожье островом.

Местами Патурссон непоследователен в изложении. Например, в главе XV он начинает рассказывать о своей остановке на острове Ямбург, но потом его мысль прерывается и он переходит к рассказу о коренных народах Сибири. Возможно, именно из-за этого фрагмент «Сила воображения в одиночестве полярной ночи», обозначенный в подзаголовке главы XV, так и не был написан автором. В главе XXIII автор, описывая русскую свадьбу, упоминает, что стол ломился от закусок, среди которых было и мясо, но, когда речь заходит о главных блюдах, он пишет, что русские даже на свадьбах едят «непритязательную» еду – поэтому, мол, мяса на столе не увидишь. В главе XXVII, рассказывая о рыбаках, ранее сидевших в тюрьме, он утверждает, что никто из них не родился в Сибири, а в следующих строках говорит, что один из них все-таки рожден именно там.

Очевидно, подобные несостыковки объясняются тем, что книга создавалась на основе многочисленных путевых заметок автора, накопившихся за шесть лет поездки, и автор не до конца сумел подчистить и унифицировать текст, – это, впрочем, никоим образом не умаляет его достоинств.

Книга была написана и впервые издана на датском языке, который до середины XX века был основным письменным языком фарерцев. Однако в одном месте (гл. XX) автор не удержался и употребил в кавычках фарерское слово *tinganæst* (совр. *tinganest*), означающее «гостинец», – видимо, не найдя подходящего датского аналога. В главе VII он упоминает фарерское название игры в ниточки – *krágefótur* (совр. *krákufótur*), дав лишь буквальный перевод на датский («нога вороны»), хотя в датском языке эта игра называется по-другому (*kattens vugge*, то есть «кошачья колыбель»).

Свои путевые заметки Патурссон опубликовал в двенадцати частях в 1900–1901 годах. В 1901 году они были выпущены единым томом под названием «Сибирь в наши дни» (*Sibirien i vore dage*). Датский издатель настоял на замене имени Сигерт (*Sigert*) на созвучное ему, но более распространенное Сигурд (*Sigurd*), считая, что это прибавит популярности книге доселе неизвестного молодого фарерского автора.

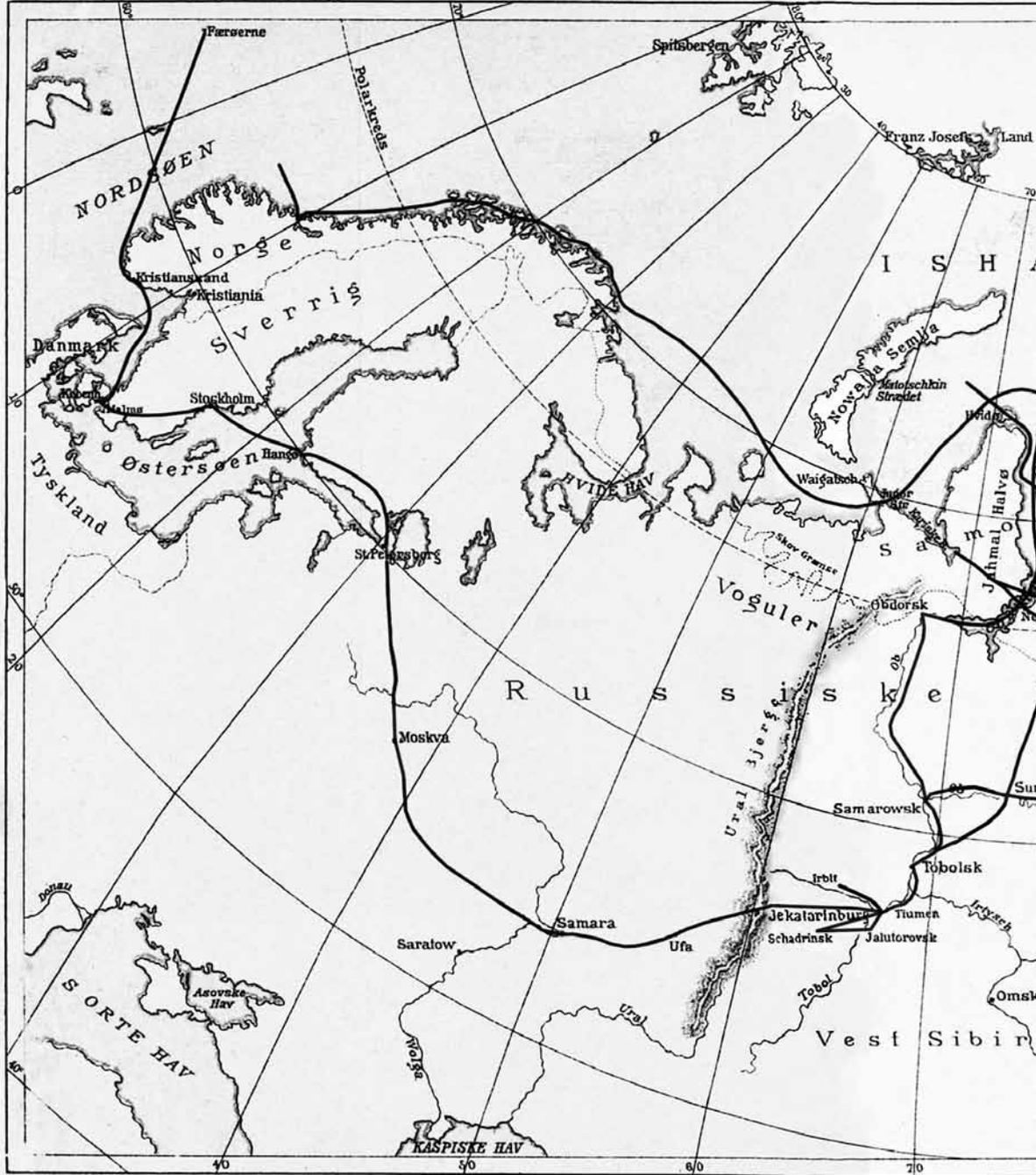
Несмотря на настоящий бум арктических экспедиций, охвативший мир в конце XIX – начале XX века, Сигерту Патурссону не суждено было превратиться в настоящего полярного исследователя, хотя у него и были все предпосылки к этому. Однако путешествовать он не прекратил. После возвращения

из России в 1895 году он посетил ряд других стран, в том числе Монголию и Египет. Впоследствии опять бывал в России, на этот раз предпочтя морозному северу теплый юг: в 1911 году на русском языке была издана его книга «Курорты Кавказа; Кавказские Минеральные Воды», а в 1912 году – «Курорты Крыма». В обоих случаях автор фигурировал под именем Сигурд О. Патурссон и Киркюбе, где последние два слова (*i Kirkjubø*, то есть в Чирчубёвуре) относились к его малой родине, которую фарерцы нередко отмечают в своих причудливых фамилиях.

Книга «От Фарер до Сибири» будет интересна специалистам по истории, этнографии, географии, уралистике и другим дисциплинам. Для жителей Сибири она будет познавательна как описание жизни и быта их недавних предков, живших почти 130 лет назад. Не менее интересна она и для обычного читателя, ищущего в книге не скучных информационных выкладок, а приключений – их в произведении Патурссона тоже представлено с избытком, причем не выдуманных, а пережитых им самим в реальности. И, наконец, выход этого произведения будет приятным подарком как россиянам, интересующимся Фарерами, так и друзьям России с Фарерских островов.

А. С. Мельников

S. Patursson, Sibirien i vore Dage.

Хронология путешествия Сигерта Патурссона

Июнь 1889 – май 1890: начало путешествия (Фарерские острова – Шотландия – Швеция – Финляндия – Санкт-Петербург – Москва – Самара – Уфа – Екатеринбург – Тюмень)

Май – август 1890: Тюмень – Тобольск – Самарово – Обдорск – Обская губа – Тазовская губа

Август – октябрь 1890: проживание на острове Находка в Тазовской губе

Ноябрь 1890 – январь 1891: Нейве-Сале – Южный Таз

Январь – февраль 1891: попытка достичь Новой Земли. Возвращение на Южный Таз

Февраль – май 1891: Гыданская губа – полуостров Таймыр – возвращение на Южный Таз

Лето 1891: Тазовская губа

Осень 1891: полуостров Ямал

Ноябрь 1891 – январь 1892: Сургут, Тундрена. Отъезд в Тобольск

Февраль 1892: Тобольск

Февраль 1892 – июнь 1893: Тюмень.

Февраль 1893 – поездка в Ирбит на ярмарку

Июнь 1893: Тюмень – Тобольск – Самарово – Тундрена – Сургут – Томск

Лето 1893 – март 1895: Томск и окрестности

Март – май 1895: Томск – Барнаул – Бийск – Барнаул – Томск

Июль 1895: Томск – Мариинск – Ачинск – Енисейск – Красноярск – Иркутск

Июль – сентябрь 1895: Иркутск – Ангара – Енисейск – Туруханск – Гольчиха – Енисейский залив

Сентябрь – ноябрь 1895: Енисейский залив – Северный Ледовитый океан – остров Белый – остров Вайгач – остров Вардё (Норвегия) – Тромсё – Олесунн – Ньюкасл (Великобритания) – Лондон – Копенгаген – Фарерские острова

Сигерт О. Патурссон (1869–1931)

Из Фарер в Россию

Прощание с Фарерами. — Курс на Торсхавн. — В Шотландии. — Любопытные датчане. — Путешествую по Швеции. — Разговариваю в Емтланде по-фарерски. — Изучение русского языка в Стокгольме. — Проблемы с таможей в Санкт-Петербурге. — Москва. Башня Ивана Великого. — Из Москвы в Самару, а затем в Уфу

Э то случилось погожим июньским утром 1889 года. Я в последний раз поцеловал семью и друзей, окончательно с ними попрощавшись. После этого я отправился на пароме до Торсхавна¹, где должен был сесть на почтовое судно. Величественная фарерская природа казалось мне красивее, чем когда-либо ранее. На черных, как уголь, горах, возвышавшихся над зеленой равниной, где находился мой дом, золотое сияние солнца встречалось с каплями воды, которые делали цвет скал еще чернее. Подобно тому как сверкает и светится дорогая шкура черной лисы, когда шевелятся ее отдельные волоски, или как сияют драгоценные камни в оправе, так в это утреннее время светила и сияла обрывистая гора над пещерой Сверрахола². Море блестело как зеркало, цветы распустили свои лепестки, через фьорд слышались крики куликов, из выси небесной си-невы доносились песни жаворонков, а над морем крупными стаями пролетали кайры.

Мое восемнадцатилетнее сердце застучало необычным образом, когда в глубине души зародилось новое, ранее неведомое чувство — тоска по дому как неотъемлемая часть любви к родине.

Но мне нужно было отправляться в путь. И когда пароход «Тюра» после полудня поднял якорь, я, опираясь на поручни, двенадцать раз взмахнул платком, окончательно прощаясь с множеством лодок, на которых были знакомые лица, только что проводившие меня на судно.

¹ Торсхавн («гавань Тора») — столица и крупнейший населенный пункт Фарерских островов — автономного региона Королевства Дания. — *Прим. ред.*

² Пещера на горе, возвышающейся над деревней Чирчубёвур на острове Стреймой. В этой пещере родился король Сверрир (Сверрир Сигурдссон). — *Прим. авт.*

В полночь наши скалистые спутники — Фарерские острова — исчезли за горизонтом. На борту было четыреста исландских эмигрантов, заполонивших весь трюм, среди них — женщина, которая прыгнула за борт. Причиной была ее крайняя нужда. Но через двенадцать минут женщину подняли на палубу и привели в чувство. Она не пошла ко дну лишь благодаря своим плотным юбкам. Другая женщина-эмигрант увеличила число пассажиров, родив мальчика.

После двух дней плавания мы приплыли в Лит³. Я отправился на кэбе в Эдинбург. Под предлогом того, что было воскресенье, извозчик за пятнадцатиминутную поездку взял с меня шесть шиллингов. Воскресенье в Шотландии — официальный выходной: с утра люди идут в церковь, во второй половине дня читают «Отче наш» дома или гуляют в парках и садах. По воскресеньям никто не занимается спортом, а в домах жителей, особенно интеллигенции, как правило, царит праздничная атмосфера и покой. Домашнее фортепьяно обычно стоит закрытым, в лучшем случае кто-то может сыграть псалом или хорал. Пивным заведениям разрешено продавать спиртное только приезжим.

Я провел несколько замечательных дней в этом живописном горном шотландском городе, красоту которого отмечают все туристы. На главной улице Принсес-стрит по левую руку можно увидеть открывающийся красивый вид на находящуюся в центре города крепость, где когда-то сидела в заключении королева Шотландии неудачливая Мария Стюарт. В центре города можно прогуляться мимо парков и скульптур, справа от которых стоят красивые дома и строения с множеством ювелирных магазинов, где в витринах сверкают драгоценности и где также можно увидеть выделанную голову шотландского барана с большими изогнутыми рогами, усыпанными золотом и серебром. Особо приятное впечатление оставляют стройные и крепкие мужчины, многие из которых ходят по улицам в красивых, разноцветных национальных костюмах горцев, а некоторые — в военных мундирах. Представители образованных слоев населения здесь очень вежливы, просты и всегда готовы прийти на помощь, поэтому поездка в Англию всегда будет вспоминаться с радостью. После восьмидневной остановки в Шотландии я направился с пароходом «Торса» через норвежский Кристиансанн в Копенгаген, где, однако, пробыл совсем недолго. Жители города мне очень досаждали: как только я показывался на улицах в фарерском национальном костюме, меня тут же окружали и начинали наперебой

³ Порт в Шотландии, в настоящее время — район Эдинбурга.

задавать вопросы. Поэтому не оставалось ничего другого, кроме как переправиться через пролив в Мальмё. Шведы оказались менее любопытными. По железной дороге я приехал на вокзал Спаррехолм, а оттуда — в Вальхаллу, дачный поселок в провинции Сёдерманланд. Я познакомился с семьями дворян, священников, купцов и землевладельцев, на протяжении нескольких месяцев пользуясь шведским гостеприимством. Несмотря на посещение балов, светских раутов и т. п., я не забывал поддерживать отношения с лесниками и любящими охоту джентльменами, с которыми я много раз удачно сходил в походы. В конце лета того года я покинул Вальхаллу и отправился в шведскую провинцию Норрланд. Там в области Емтланд разговаривают на разновидности древнескандинавского языка, который мне очень сильно напомнил мой родной фарерский.

Было забавно вступать в беседу с пожилыми емтландцами: они говорили на своем языке, я — на фарерском, и разговор проходил без каких-либо проблем. Я охотился на лосей, зайцев, куропаток, вепрей и уток, переплывал на лодке озеро Миклеваттен, где проживает Змей Мидгарда⁴, а под конец съездил в путешествие к лопарям⁵ в горах Сюльтопшар у норвежской границы. Бодрящим холодным осенним утром я отправился в путь к Сюльтопшар с сыном приютившего меня хозяина, который был кандидатом теологии. Мы прошли через чащу располагавшегося по соседству леса и некоторое время следовали вдоль реки Эно, после чего вышли на одиноко стоящий хутор, где взяли лодку, чтобы продолжить свой путь по реке. Пропутешествовав на лодке достаточно много времени, мы пристали к берегу и пошли пешком через леса и горы. В сумерках мы вышли на широкое плато в тундровых районах Швеции. Там мы наткнулись на три «палатки», то есть чума, увидеть которые мы и стремились. Их обитатели встретили нас очень радушно. Мы подкрепились своим походным провиантом с кофе, которым нас угостили лопари, а ночь проспали на мягких дубленых оленьих шкурах. Утром хозяйка, пышущая здоровьем и хорошо сложенная полноватая женщина, угостила нас олениной, от которой я — по непривычке — отказался, вежливо попросив прощения. Впоследствии мне пришлось таким же образом пересиливать себя, когда я пробовал первый кусок сырого мяса и сырой рыбы, которыми меня в Сибири угощали юраки-самоеды⁶. Посещение лопарей оказалось для

4 Змей Мидгарда, или Мировой Змей, Ёрмунганд — персонаж скандинавской мифологии.

5 Совр. саамы.

6 Совр. ненцы.

меня очень интересным опытом. Эти гостеприимные люди были к нам настроены очень дружелюбно и совершенно не хотели брать с нас денег, которые мы, прощаясь, положили на поднос с кофе. Мы покинули эти конусообразные жилища, покрытые берестой и дерном, где, как бы то ни было, было приятно находиться внутри. Снаружи в березовых зарослях везде были развешаны куски свежей оленины. У широкой горной реки, путь которой пролегал по каменистому руслу, был построен сарай для хранения пушнины и еды. Снаружи играли красивые и пышущие здоровьем дети лопарей — они вносили оживление в жизнь стойбища, радостно крича, когда мы шли мимо них по направлению к Сьюльтоппар под чистым и прохладным небом высокогорья. Когда мы наконец добрались до одного из самых высоких пиков этих гор и поочередно посмотрели на Норвегию и Швецию, солнце зашло за горизонт, а вечерний багрянец распространил умиротворенность на обе страны, чьи жители еще не научились понимать друг друга⁷.

Я вернулся из Емтланда в Вальхаллу, а оттуда поехал в Стокгольм, где в течение месяца изучал русский язык.

В январе 1890 года я сел на пароход «Экспресс», который довез меня до Хангё⁸ в Финляндии. Далее путь следовал по железной дороге через Санкт-Петербург, Москву и Самару в Уфу, а оттуда на санях через Урал к сказочной земле — Сибири.

В Санкт-Петербурге у меня было много хлопот с полицией и таможней, так как они конфисковали у меня ружья и долго их не отдавали. После того как я целую неделю мотался с нанятым мною переводчиком между таможенным и полицейским участками, мне в конечном счете удалось заплатить достаточно большую пошлину и получить обратно свое охотничье снаряжение с другим багажом. Это упростило решение вопроса о получении в паспортном бюро для иностранцев столь необходимого мне разрешения на проезд в Россию.

Когда я наконец смог покинуть грандиозный град Петра Великого с его широкими улицами и великолепными дворцами, где я задержался больше нужного, я направился в Москву, будучи одновременно и рассерженным, и радостным. Когда я приехал в город колоколов (говорят, что их в Москве около семи сотен), в связи с религиозным праздником повсюду был слышен их звон. Из-за этого я толком не смог отдохнуть, что мне очень хотелось сделать после всех мытарств

⁷ Автор намекает на напряженность между Швецией и входившей тогда в ее состав Норвегией, стремившейся к независимости, которую она получила в 1905 г.

⁸ Фин. Ханко.

в Санкт-Петербурге. Сразу по приезде я посетил датского консула, профессора, полномочного посланника Тора Ланге. Этот любезный и гостеприимный представитель Дании уделил мне все свое внимание. За те три дня, что я гостил у консула и его необыкновенно приветливой жены, у меня появилась прекрасная возможность осмотреть город. Московский Кремль (крепость) вполне стоит того, чтобы его посетить. Вход туда пролегает через тройную арку. Сверху над одной из арок находится барельеф Святой девы, проходя мимо которого следует снимать головной убор. Знаменитый колокол — тот самый, что упал с башни *Ивана Великого*⁹ и который так стремятся увидеть все приезжие, — лежит на земле. Он настолько широкий, что внутри него вполне могут танцевать вальс три-четыре пары. От края колокола откололся небольшой кусок, поэтому люди могут заходить внутрь как через обычный дверной проем. Внутри колокол насчитывает шесть локтей¹⁰ в высоту. С внутренней стороны вала лежит несколько заржавелых пушек. Дома в Кремле, как и практически везде в остальной части Москвы, красивы, построены из красного песчаника и имеют железные крыши, окрашенные в зеленый или синий цвет. При солнечном свете город, если на него смотреть с колокольни Ивана Великого, необычайно красив — золотые купола и крыши домов сверкают и сияют на солнце, оживляя этот кипящий жизнью город, который одновременно принадлежит и Азии, и Европе.

В Самаре я погостил у одного видного датского агронома и консультанта в области сельского хозяйства. Мы прогулялись по льду Волги, на берегу которой стоит город. Когда я приехал в Уфу, там был открыт рынок, из-за чего наблюдалось большое оживление. Я завершил подготовку своего снаряжения и в дополнение к тому, что у меня имелось, добыл енотовый и бараний тулупы, а также валяные шерстяные сапоги¹¹ — теперь я был достаточно хорошо экипирован для трехдневной поездки на санях через Урал в Екатеринбург.

⁹ Курсивом выделены слова и цитаты на русском и других языках России, приведенные автором в тексте латиницей и записанные им со слуха. Русские слова приведены в стандартной орфографии. В случае частых повторений таких слов курсив обычно опускается, однако может использоваться снова спустя большой промежуток текста.

¹⁰ Один локоть — 77 см.

¹¹ Т. е. валенки.